

3. Пантюшев, А. Сырьевая база фотоэлектричества [Текст] / А. Пантюшев // Энергия: экономика, техника, экология. – 2006. – № 11. – С.39-44.
4. Сергеев, П. Тенденции и проблемы мирового газообеспечения [Текст] / П. Сергеев // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 8. – С. 82-90.
5. Хаскин, Л. Башня из ветроэнергетических модулей [Текст] / Л. Хаскин // Наука и жизнь. – 2003. – № 9. – С. 54-57.
6. Хартман, К. Биоэнергетика в Германии [Текст] / К. Хартман // Животноводство России. – 2007, март. – С. 33-34.

В.И. Пейтнев

КОММЕНТАРИИ К ПУБЛИКАЦИЯМ В.П. ВОРОНЦОВА (1887) И П.Б. СТРУВЕ (1908)

В статье продолжают поиски и представление забытых экономистов XIX века. В публикациях В.П. Воронцова (1887) и П.Г. Струве (1908) раскрываются неизвестные аспекты творчества этих неординарных мыслителей дореволюционной России – активное и конструктивное участие в «споре о методе», то есть о роли и месте дедукции и индукции в методологии политической экономии. Высказана авторская трактовка основных направлений дальнейшего развития экономической теории в XXI веке.

V.I. Peftiev

COMMENTS TO V.P.VORONTSOV'S PUBLICATIONS (1887) AND TO P.B.STRUBE'S PUBLICATIONS (1908)

In the article are proceeded searches and representation of the forgotten economists of the XIX-th century. In V.P.Vorontsov's publications (1887) and P.G.Struve's publications (1908) are revealed unknown pages of creativity of these not ordinary thinkers of pre-revolutionary Russia – active and constructive participation in «dispute on a method», i.e. about a role and a place of deduction and an induction in political economy methodology. The author's treatment of the basic directions of the further development of the economic theory in the XXI-st century is stated.

Василий Павлович Воронцов (1847-1918), выступавший в книгах и в статьях под псевдонимом *В.В.*, указывается в учебниках по истории экономических учений как представитель *либерального народничества* 80-90-х гг. XIX века.

Его взгляды на судьбы общины и капитализма в России критиковали В.И. Ленин и Г.В. Плеханов. Не воспринимали должным образом его сочинения и российские либералы, например, обозреватель «Вестника Европы» Л. Слонимский. Мыслитель не всегда встречал понимание и в среде аналитиков аграрного развития России на рубеже XIX-XX веков.

Нами обнаружена статья В.П. Воронцова «Новые английские экономисты», опубликованная в ныне забытом журнале «Северный вестник» за 1887 год (в номерах 8, 10 и 12). Эта публикация раскрывает нам неизвестную грань его интересов – активное и конструктивное участие в «споре о методе», то есть о предмете политэкономии, роли и месте дедукции и индукции в ее методологии [1].

Этот спор имел в 80-90-е гг. XIX века общеевропейский масштаб. Его начал *К. Менгер* (1883). С российской стороны в этой методологической дискуссии участвовали *И.И. Янжул* (косвенно, во фрагментах книги «Английская свободная торговля») и *В.Ф. Левитский* (Ярославль, 1890) и, как теперь выясняется, *В.В. Воронцов*.

Наш соотечественник ликвидировал явный пробел в источниковедческой базе российских экономистов, которые обстоятельно были знакомы с сочинениями немецких коллег (прочная историческая традиция со времен эпохи Екатерины Великой), но владели обрывочными сведениями о книжных и журнальных новинках в Англии. Статья Н.П. Воронцова появилась в момент острого кризиса классической школы политэкономии (А. Смит, Д. Рикардо, Т. Мальтус, Дж. Ст. Милль) и фактического завершения *первой* методологической революции. Ее (методологической революции) ключевыми принципами являются следующие: разделение труда (фактор роста производительности

труда и богатства), конкуренция («невидимая рука рынка»), экономический либерализм (свобода торговли и предпринимательства, «меньше государства в экономике»).

Классическая школа политэкономии в Англии, констатирует В.П. Воронцов, находится в глубоком кризисе. Она получает удары отовсюду: от социалистов («чистых» и катедер-социалистов), позитивистов и сторонников исторического метода в политэкономии. К внешней критике присоединяются и внутренние критики в лице английских ученых (В. Бэджгот, Д.К. Ингрэм, К. Лесли, А. Тойнби, Б. Прэйс, Сидвик и др.) новой волны с рубежа 70-80-х гг. XIX века. В.П. Воронцов подробно излагает взгляды каждого из перечисленных экономистов, опираясь на тексты первоисточников, включая статьи и курсы лекций.

В чем главные причины кризиса старой школы политэкономии? В смене эпох и в несовершенстве методологии: чрезмерная гипотетичность, отрыв от реальной жизни и чрезмерное предпочтение *дедукции* (умозаключение от общего к частному).

Классическая школа политэкономии отражала основные вехи эпохи промышленного переворота, отказ от регулирования промышленной деятельности и переход к полной свободе соперничества [1].

А. Смит интересовал мир товаров – новой манифестации богатства наций (не драгоценные металлы и не продукты земледелия). А. Смит – ученый энциклопедического склада, знаток и экономики начала промышленного переворота (мануфактуры), и экономической жизни предшествующих веков – не увлекся без оглядки дедуктивной логикой, чего нельзя сказать о Д. Рикардо [2].

Его последователи игнорировали сопредельные отрасли социального знания, как будто экономика отделена от остальной общественной жизни высокой стеной и не подвержена никаким влияниям со стороны религии, морали, политических учреждений страны [3].

Увлечение общими лозунгами затронуло даже политиков. В.П. Воронцов с иронией сравнивает: «Кобден на трибуне [яркий фритредер. – В.П.] был также дедуктивистом, как Рикардо – в ученом кабинете. Но с уничтожением хлебных законов в 1846 году миссия дедукции была почти выполнена... Сочинение

Милля (1848) оказалось неспособным ответить на запросы жизни» [4]. К тому же в Англии не оценили своевременно и с должным вниманием не восприняли критику отдельных постулатов Рикардо и Милля в трудах Н. Сениора, Кэрнса, Маклеода, Лонге, Торнтон и др. В итоге под воздействием внешней и внутренней критики произошло развенчание прежних кумиров [5]. Это был своего рода урок для осмысления.

В споре о соотношении дедукции и индукции [от наблюдения фактов и частных явлений к установлению общих правил и законов. – В.П.] В.П. Воронцов придерживался взвешенной позиции: закон есть результат комбинации обоих мыслительных процессов: индукции и дедукции, а не чистой индукции [6]. Беда старой политэкономии в том, что она задумала построить все здание науки на принятии очень немногих основных посылок [7].

В.П. Воронцов подробно излагает взгляды Кэрнса [8], считая его самобытным экономистом, а не простым подражателем Дж. Ст. Милля. К сожалению, отмечает В.П. Воронцов, его сочинения почти неизвестны в России. В когорту значимых экономистов после Д. Рикардо включен и Н. Сениор (заметим, что марксисты уничижительно трактовали труды Кэрнса и Сениора).

Для историков экономической мысли познавательна и нижеследующая ремарка В.П. Воронцова: английской доктрине классической школы не свойственен тот оптимизм, какой проявили французские представители того же учения [9].

Не потерял актуальности и вывод В.П. Воронцова о том, что политэкономия – это ветвь более широкой науки об обществе, выделяемой из нее для удобства изучения, но обязанная использовать все силы и законы, касающиеся предмета, которым она занимается [10].

В третьей части статьи В.П. Воронцов выступает против огульного отрицания дедукции: «авторитет дедуктивной науки, как таковой, нисколько не подрывается, а лишь выясняется необходимостью внесения значительных поправок в здание, построенное прежними экономистами... Посылки для дедукции могут быть изменены и умножены; выводы науки ограничены непринятыми во внимание обстоятельствами для избежания

ошибочных заключений, каждый шаг дедукции может быть проверен сличением вывода с действительностью. Нечто подобное есть у Милля и Кэрнса» [11].

Критика старой школы новыми экономистами, заключает В.П. Воронцов, неопровержима, и она доказала, что законы политической экономии неприменимы к большому числу современных, равно как и прошлых, обществ, которые еще приближаются к построению капитализма [12]. Но полного опровержения выводов старой школы политической экономии не может быть [13]. Автор присоединяется к мнению *Бэдждота*, что политическая экономия не должна изучать лишь экономику больших промышленных предприятий, лишь товарно-капиталистическое хозяйство. Такой подход является упрощением и игнорирует другие экономические области [14].

Пока мы не располагаем информацией об откликах современников на эту проблемную статью одного из лидеров либерального народничества.

20 лет спустя после публикации В.П. Воронцова по методологии политической экономии выскажется либерал-государственник *Петр Струве*. Такой неоднозначный статус этого самобытного ученого, политика, публициста – особая примета переломной эпохи, какая была в России начала XX века. В своей вступительной лекции для студентов Петербургского политехнического института (ноябрь 1906 г.) П. Струве обозначил свой подход к *видению* и *предвидению* в экономике [15].

Струве начинает свою лекцию об обыденной констатации и сразу же формулирует диалектику дедукции и индукции: «Экономическая действительность чрезвычайно сложна, и перед этой сложностью одинаково пасуют и отвлеченная бескровная доктрина, и грубый эмпиризм, чисто фактического рассмотрения». Далее он развивает эту мысль в позитивном ключе: «Специальное экономическое изучение должно слагаться из умелой комбинации теоретических понятий с ясным непосредственным видением конкретных фактов» [16].

Мыслитель обнаруживает парадокс: в истории экономической мысли многочисленнее, замечательнее и поучительнее неудачные предсказания, чем гениальные предвидения

[17]. П. Струве описывает самые яркие примеры.

Теория крушения капиталистического строя есть сплошная цепь неудавшихся предсказаний (Ф. Энгельс, 1845; К. Маркс, 1867). *Ледрю Роллен* (Франция), один из лидеров революции 1848 г., в изгнании (Лондон, 1850) подготовил и издал двухтомник о декадансе Англии, ближайшем упадке ее «искусственной» промышленности. Жизнь опровергла его прогнозы: 50-60-е гг. были годами колоссального расцвета промышленности и сельского хозяйства Англии. *Бруно Гильдебранд* (1848) с глубоким пониманием раскрыл суть индустриализма, но позволил себе несбывшееся в дальнейшем пророчество: безработные, мол, обратятся к сельскому хозяйству. Никто или почти никто не ожидал, что наступит эпоха длительного падения хлебных цен. Тяготы преодоления аграрного кризиса взяли на себя крупные землевладельцы (лэнд-лорды), тесно связанные с торговлей и промышленностью Англии.

Теория крушения капитализма вследствие узости рынка не сработала, поскольку промышленные страны (США, Англия, Германия) не только конкурируют между собой, но и являются одна для другой важным рынком. Одновременно растет значение и внутреннего рынка (абсолютно и относительно). К тому же надо учитывать статистическую отвлеченность, например, в доле экспорта. Относительные величины не могут отражать реальную меру того или иного явления.

О таможенных тарифах в Германии (1900-1902) спорили и аграрии, и фритредеры. Разногласия имели скорее эмоционально-субъективные установки, нежели реальное наполнение. Чем развитее экономическая жизнь, тем меньшую роль играют тарифы. Экономисты-теоретики прошли мимо таких важных перемен, как промышленные картели, трудовые коллективные соглашения, потребительская кооперация и массы других.

В чем причина провальности прогнозов? В упрощенном взгляде на экономику, засилии расхожих представлений, отсутствии здоровой критики, которая должна составлять живой нерв всякой науки. Не следует опасаться, что во множестве фактов экономической жизни мы утеряем всякие широкие перспективы. Наоборот, чем внимательнее мы будем относиться к фактам, подлежащим

изучению, тем яснее раскроется нам та связь, в которой они состоят в рамках культурного развития [18]. Эти замечания П. Струве для автора статьи непреложны.

К методологическим слагаемым успеха в политико-экономических исследования П. Струве относит сочетание свободы с дисциплиной именно в приложении к хозяйству и труду. Завершает он свою лекцию горьким признанием: «И ничто не может так печалить нас, как сознание, что в эпоху, когда всюду кипит, развивается и совершенствуется хозяйственная жизнь, какой-то злой рок отбросил Россию назад, и мы переживаем полосу совершенно исключительного хозяйственного упадка и оскудения» [19]. Думаем, исторические параллели – хотя бы частично – здесь очевидны.

За истекшее столетие свершались – и неединожды – методологические революции. В исторической ретроспективе оказался прав Дж. Ст. Милль, заявивший, что теория стоимости исчерпана, и к ней нечего существенного добавить. Слабеет потенциал мейнстрима [основное течение в экономической мысли. – В.П.], вобравшего в себя достижения и догматы старой английской политэкономии, маржинализма и эконометрики (системы уравнений, графиков и математических формул). Не может оправиться от глубочайшего кризиса марксизм, его сердцевина – теория стоимости и прибавочной стоимости. Институционализм (старый и новый) в отдельности или в содружестве с эволюционизмом и синергетикой еще приближается к пику своей теоретической и методологической отдачи, но рискует без новых идей превратиться в концепцию «без берегов» и без «молодых побегов» (ветвей). Экономическая мысль оказалась на очередном перепутье.

Ожидаемая методологическая революция должна начинаться с появления нетривиальных *идей*, пусть даже в ранге «методологической метафоры» [20]. Одной из таковых, на наш взгляд, является концепция «сетевой экономики» (М. Кастельс, В.В. Чекмарев, Е.В. Санур и др.). Но она требует поддержки другими идеями и наблюдениями.

В дело возрождения экономической теории на новых началах, как мы полагаем, посильный вклад внесет тезис о неоднородности глобального экономического порядка, его полицентризме, нетрадиционных сочле-

нениях локального, регионального и международного [21]. Уже получили или получают «путевку в жизнь» такие экономические структуры и феномены, как мегарегионы, кластеры, мегапроекты. Потеряла былое значение категория «стоимость товара», но ставятся на линейку приоритетов интернациональная стоимость и ее переделы, финансовая глобализация, новое соотношение фиктивного и реального капитала, многоликость капитала как общественного отношения и его модификации.

Все названное выше должно органично вписаться в концептуальный ряд, исходная точка которого – *мировое хозяйство*.

Второе направление обновления экономической теории, видимо, состоит в исторической рокировке от стоимости или полезности (обе стороны товара изучены более или менее досконально, особенно в прикладных дисциплинах, например, в маркетинге и менеджменте) к исходному понятию всех гуманитарных и общественных наук – *труд*.

Современный труд разительно отличается не только от начальной ступени индустриализма (здесь незаменимы открытия А. Смита, Сен-Симона, К. Маркса), но и от последнего десятилетия XX века. Человечество вступает в эпоху постиндустриальных производительных сил и персонифицированных экономических отношений. Правда, для одних стран и регионов характерны приметы информационно-коммуникационного труда, для других еще весомы атрибуты индустриализма с зачатками экономики знаний, а для третьих – комбинации всех имеющихся технологических укладов. Сложны взаимосвязи труда и творчества, овеществления отношений и персонификации вещей [22].

Но коль скоро анализ передается труду, то и в орбиту экономических исследований должен попасть человек, его *дуалистическая* природа (биологическая и социальная), его потребности, интересы, мотивации [23]. Иными словами, наступает эпоха интегрированных знаний о человеке и обществе. И в этой связи неопределимое содействие экономистам могут оказать философы, психологи, социологи.

Наряду с законом больших чисел экономическая наука обязана учитывать действие альтернативного закона – *малых* чисел, то есть отдельно взятых личностей. Обнаруже-

но, что человек часто принимает решения на основе анализа малого числа событий с большей уверенностью, чем при анализе большого их числа. Люди не способны к исчерпывающему анализу в обстановке неопределенности и риска, а это – черты глобализации экономики. Отдельные индивиды, группы, слои, этносы не чувствуют пульс времени, связи эпох, предшествующего развития. В

эпохи трансформации экономики и общества, то есть радикальных и неожиданных перемен, бурные потоки событий обнажают несхожие, а то и полярные типы людей: «хищники», новаторы, имитаторы, рутинеры, оппортунисты.

При зарождении новой парадигмы в экономической науке важно не растерять находки и сомнения экономистов прошлых эпох, включая и XIX век.

Примечания

1. Воронцов, В.П.(В.В.) Новые английские экономисты [Текст] / В.П. Воронцов // Северный вестник. – 1887. – № 8. – С. 6.
2. И. Кулишер, дореволюционный мэтр по экономической истории Европы и России, категорически возражает против причисления Д. Рикардо к «чистым» сторонникам дедукции. Д. Рикардо, в отличие от А. Смита, не был эрудитом в области истории хозяйственной жизни за пределами Англии в ранние эпохи. «Но зато анализ современности получился у Рикардо действительно правильный и точный, его дедуктивные положения основывались на предварительной, тщательно проверенной индукции, посредством которой он устанавливал основные посылки. Даже в последующих чисто дедуктивных выводах из них он всегда умел отличить выводы, хотя и логически правильные, но не совпадающие с действительной жизнью, от тех, которые имели реальное значение. Впоследствии дело изменилось; последователи Рикардо – писатели классической школы – перестали проверять исходные положения индуктивным путем, а между тем условия жизни изменились». См.: Кулишер, И. Экономическая история как наука и периоды в хозяйственном развитии народов [Текст] // Русская мысль. – 1908, июль. – С. 54-55.
3. Воронцов В.П.(В.В.) Новые английские экономисты [Текст] / В.П. Воронцов // Северный вестник. – 1887. – № 8 – С. 24-25.
4. Там же. – С. 24.
5. Там же. – С. 30.
6. Воронцов В.П.(В.В.) Новые английские экономисты [Текст] / В.П. Воронцов // Северный вестник. – 1887. – № 10. – С. 8.
7. Там же. – С. 10.
8. Там же. – С. 13-16.
9. Там же. – С. 17.
10. Там же. – С. 27.
11. Воронцов В.П.(В.В.) Новые английские экономисты [Текст] / В.П. Воронцов // Северный вестник. – 1887. – № 12. – С. 28.
12. Там же. – С. 33.
13. Там же. – С. 34.
14. Там же. – С. 35.
15. Струве, П. Об экономическом видении и предвидении [Текст] / П. Струве // Русская мысль. – 1908. Кн. X. – С. 149-159.
16. Там же. – С. 150.
17. Там же. – С. 152.
18. Там же. – С. 157-158.
19. Там же. – С. 159.
20. Афанасьев, В.С. Как создается научная новизна? [Текст] / В.С. Афанасьев // Вестник Моск. ун-та. Серия Экономика. – 2007. – № 4. – С. 3-20.
21. Гаджиев, К.С. К полицентричному миропорядку [Текст] / К.С. Гаджиев // Полис. – 2007. – № 4. – С. 8-23.
22. Шевчук, А.В. О будущем труда и будущем без труда [Текст] / А.В. Шевчук // Общ. науки и совр. – 2007. – № 3. – С. 44-53.
23. Ольсевич, Ю. Экономическая природа человека: становится ли тайное явным? [Текст] / Ю. Ольсевич // Вопросы экономики. – 2007. – № 12. – С. 27-42.